

- 3 НОЯ 1981

СОВЕТСКАЯ РАССИЯ г. МОСКВА

НИКОЛАЙ ДОРИЗО принадлежит к числу тех немногих поэтов, которых не только знают в народе, читают, но искренне и ссрдечно любят... Это особое свойство его поэтического дара, особенно примечаемое в народе, ибо оно созвучно настроению, чувствам народным.

Удивительно, поэзия его совсем негромкая, более того, скромна, сдержанна, я бы даже сказал, скупа в красках, а сколько в ней внутреннего движения, ритма, афористического обнажения мысли. Не случайно многие стихи поэта стали песнями. Он никогда не писал текстов к музыке. Он писал стихи, которые непременно ложились на музыку.

Не в этом ли и секрет поэзии Доризо. Его стихи поются, строчки не скачут, не ломаются, даже

Дар сердца

когда едко иронизируют, полемизируют, смеются, но и гротеск в них певуч. А это уже черта сродни народной поэзии, потому как только ей было подвластно все объять устами — т. е. устным словом, которое, складываясь в былинный стих, непременно должно было петься. К этому стремились былинные бояны... Доризо из этого ряда златоустых.

Правомочны ли мы оценивать столь высоко творчество поэта-современника? Я думаю, в данном случае не только правомочны, но и полномочны... Со стихами и песнями Доризо выросло не одно поколение советских людей. Его поэзия пришла в солдатские землянки в самое трудное время. Говоря нынешним языком, когда был острый «дефицит» на душевное тепло. И стихи молодого поэта из фронтовых газет тут же перекладывались солдатами на музыку, которая была у них «на слуху». И однажды родившись, песенка легко перелетала из блиндажа блиндаж, из окопа в окоп. Недавно, разговаривая с одним из фронтовиков, я спросил его, что они пели на коротких перекурах между боями. Он рассмеялся: «Да чаще всего «самоделки». В них было больше тепла. Ка правило, их привозили ребята и госпиталей, но что-то рождалось и на передовой. Из любимых «сгмоделок»? «Любаша» — я и сейчас помню «синий взгляд, летний сад и любимый Ленинград» или «Любаша, милая Любаша, с победой я вернусь домой...» А во еще «Дочурка» — трогательная до слез...». Я спросил его, знает ли он, кто написал эти стихи. Он искренне удивился и ответил: «Не знаю...» Рассказал я эту историю вовсе не в упрек фронтовику... Ведь он мог сказать, что слова эти народные, и недалеи

бы был от истины. Тогда все созвучное душе народной, солдатской в стихах, песне запоминалось, западало в сердце и согревало. А кто это написал, кому принадлежит авторство — это уже было делом не самым важным. Тогда все писалось народом и для народа... И в этом смысле вхождение в поэзию Николая Доризо, несомненно, было счастливым. Он сразу пришелся по душе, и его запел самый непевучий в те годы народ — солдаты.

Я не случайно обратился к истокам поэзии Доризо, они-то в большей степени определили и всю его уже сорокалетнюю жизнь в литературе. Он остался таким же тонким лириком, непосредственным и удивляющимся. Он и теперь в отличие от других не пишет специально стихов для площадей, крикливо-громогласных и пафосных. Его же стихи, написанные для души, словами интимно избранными, неторопливыми, звучат, поются на площадях и волнуют наши сердца своей участливостью и благорасположенностью.

И именно в этом Николай Доризо — традиционный русский поэт, даровитый и трепетно любящий свою Родину, спой народ, его великую литературу. Можно только сожалеть, что, приближаясь к шестидесятилетию рубежу, или, как он говорит сам, «к линии огня», прожив в литературе век долгий и яркий, он до сих пор не удостоен никаких литературных признаний... Отнесем это к тому, что и здесь сказались его человеческая скромность, сдержанность, ненавязчивость... «Любил бы народ, а остальное...» — заповедь тоже от давних благонравных времен в нашей литературе. Но все же ведь и мы не без глаз, в таких случаях заботиться надо, не полагаясь, что все наделсны не только талантом, но и «пробивной» силой...

А. ЛАРИОНОВ.